

В начале августа гостьей Красноярска ненадолго стала *Нина Александровна Ягодинцева*, самобытный русский поэт, исследователь такой важной, хотя и мало изученной научной дисциплины, как «психология литературного творчества», педагог, общественный деятель и заядлая путешественница. Мы воспользовались случаем и организовали с ней интервью. Вот оно—слово в слово.

Редакция «ДиН»

МС. Ниночка, ты приехала на этот раз в Красноярск на несколько дней для того, чтобы участвовать в таком, на мой взгляд, странноватом мероприятии, как «литературный сплав». Расскажи, пожалуйста, что это такое? Как ты сподобилась приобщиться к этому делу? Как это дело шло? Что интересного, какие проблемы?

НЯ. Я приехала по приглашению Красноярского Дома искусств вести литературный семинар на сплаве. Вообще эта идея очень интересна—совместить водный туристический маршрут по одной из красивейших рек Сибири, по Мане, с суровой литературной работой, с разбором рукописей. Это великолепная возможность не только неформальной встречи для серьёзного разговора, это ещё и возможность, особенно для городских авторов—на природе по-иному открыться, в другой обстановке—в максимальной близости к небу, воде, тайге... В городе это ощущение близости к первоначальным стихиям истончается, рвётся. Ведь поэзия—тоже стихия. В городе поэзия начинает двигаться в сторону филологии, а природа даёт другую возможность—живое соприкосновение стихий. Это оказался очень интересный опыт. У нас в семинаре было 13 поэтов. По возрасту они были и очень молодые, 19-ти лет, и более зрелого возраста, и старше 50-ти лет. Красота Маны никого не оставила равнодушным, и это работало... Человек, особенно поэт, не может на это не откликнуться. И косвенным результатом, не прямым, естественно, потому что цели такой не было писать об этом... но эти впечатления могут лечь в основу и поэзии, и прозы. Прозаиков

было 7 человек. Прозаический семинар вела С. В. Василенко, председатель срп. Они работали на верхней палубе речного трамвайчика, мы сидели на нижней палубе за столом. Мы очень интересно друг с другом соседствовали, при этом друг другу не мешая. Им ничего не было слышно снизу, до нас тоже сверху ничего не доносилось... был слышен только плеск воды. Так что вот такая двоякая цель—сугубо профессиональная, причём она осуществилась на очень хорошем уровне, я довольна разговором, состоявшемся на семинаре, потому что ребята открылись немножко по-другому, даже, как ни странно... не знаю, предполагалось ли это... для меня это было довольно неожиданно... иная глубина разговора, чем в аудитории. То есть, с одной стороны, очень серьёзный разговор, с другой—поэты и прозаики, в произведениях которых Мана может материализоваться потом в слове... это ведь очень интересно краю! В своём конечном прикладном варианте—это литературный туризм. Чтобы край процветал—его надо воспеть! Литературный сплав работает и на это, конечно. Другое дело, что человек, проживающий в городе, не имеющий опыта таких туристических путешествий, должен быть готов к ночёвке в палатке, к вечерам у костра, к капризам погоды, и это—другая сторона. Для меня это не составляло проблемы. Я путешественница, сплавщица. Единственное затруднение—когда мы работали с рукописями, практически не было возможности смотреть по сторонам. Но зато потом, когда мы завершили работу, мы уже только смотрели на эту необыкновенную красоту. На эту реку, на горы, на тайгу—и понимали, сколько в мире этой естественной, природной могучей красоты. Думаю, что этот проект очень перспективный. И хотелось, чтобы он был не только продолжен, но и расширен. Потому что на этом сплаве было два события. Даже три. Семинар прозы. Семинар поэзии с выходом впоследствии на публикации. Я авторов с удовольствием публикую на сайте Ассоциации писателей Урала и там обязательно расскажу об этом сплаве. Можно ведь расширять каким образом? Можно проводить презентации книг и журналов. Проводить какие-то мастер-классы.

Очень бы хотелось, чтобы был представлен журнал «День и ночь» в рамках сплава, потому что поэты приехали из самых разных регионов Сибири и Урала. И это могло бы быть очень интересно, потому что есть возможность не только во время движения катамарана, есть и вечер на берегу, где мы у костра читали стихи, говорили о каких-то очень интересных для всех нас вещах, общались лично, обсуждали какие-то вопросы вместе... так что формат сплава позволяет расширять поле деятельности, разнообразить его. Для первого такого опыта программа была достаточной, потому что он был пробный, открывающий — и оказался очень удачным, предполагающим интересные перспективы. Мне кажется, и культура края должна быть в этом заинтересована.

мс. Конечно, трудно говорить о репрезентативности материала для каких-то оценок, для выводов. Но тем не менее всё-таки молодые люди приехали из разных городов... пусть их было немного, но они каким-то образом представляют литературное пространство, которое мы сегодня имеем. Что можно о нём сказать? Чем живут поэты? Чем живут прозаики? О чём они пишут? Что их волнует? Опроверяет ли их работа в каком-то смысле расхожий миф о том, что русская литература погибла, что её нет, у неё нет будущего и что действительно стоит прислушаться к западным ценностям, которые повсюду распространяются сейчас?

ня. Я могу сказать, что этот семинар подтвердил, укрепил моё давнее впечатление, теперь уже убеждение, что в литературу приходит очень сильное поколение, которое с разных сторон подходит к материалу жизни, потому что есть и очень глубокая личная лирика, есть и очень интересные метафизические опыты, пытающиеся объединить физическую и духовную реальность в единое пространство, и эта молодая метафизика, скажем так, она ищет современные знаки, через которые можно передать вот это ощущение, эту энергию. Это очень интересно. Есть, как ни удивительно, певцы городских окраин. Это та территория, тот образ жизни, уклад жизни, который, с одной стороны, вроде городской, с другой — организован не так плоско, не так угловато, не так раняще для человека... это то место, где человек и природа, город и село находятся в неразрывном единстве. Оказывается, это отдельное направление в молодой поэзии. Для меня были удивлением и открытием очень интересные опыты в области композиций сюжетных. То есть рассказанный поэтическими средствами какой-то жизненный сюжет. Есть интересные попытки работать с мелодическим сюжетом стихотворения. С эмоциональным

мелодическим сюжетом. Всё разнообразие, которое в принципе должно быть в литературе и освещать разные стороны жизни, — у молодого поколения присутствует. У ребят есть огромное желание реализовать себя. Им это дано. Другое дело, что им нужен культурный опыт, им нужен культурный фундамент, потому что в силу так или иначе сложившихся обстоятельств они оказались от этого опыта отдалены, а иногда и вообще отсечены. Такое чувство, что многие начинают с нуля. Изобретают велосипеды, причём это не только велосипеды — сюжетные, образные и прочие... речь идёт о совсем простых вещах: синтаксисе, пунктуации и прочих, которые вообще являются безусловной основой владения материалом, в котором ты выражаешь себя... и в этом плане, конечно, семинар — очень большая помощь. Мне трудно судить о прозе, я работала только в рамках поэтического семинара, 13 человек на такой небольшой промежуток времени — это очень много. Это такой долгий разговор, поэтому мне хватило поэзии. На прозу я не заглянула. Но по поэзии — отрадная картина. Она такая же, какую я наблюдаю последнее время на творческих семинарах везде, и это очень радует... если ещё буквально лет пять назад у молодых авторов была такая позиция — мы другое поколение, мы сами всё знаем, не учите нас жить и писать... мы новые, мы пишем по-новому, мы несём новое... эта самонадеянность исчезает. Причём всё быстрее и всё заметнее. Эти ребята нуждаются в культурном опыте, в каких-то подсказках, они выстраивают свой путь. Это очень интересно и очень важно.

мс. Тогда возникает вопрос: а какая судьба их ждёт? Что — дальше? Вот они приехали со своими рукописями. То, что молодой автор подготовил рукопись к семинару, это уже очень много. Вот они обсудились на семинаре, получили что-то... а дальше что? Какие у них возможности? Какие судьбы их могут ожидать в современном мире? В современном литературном пространстве? Где всё так непростое... Это вопрос о судьбе молодой литературы. Что ждёт начинающих писателей, поэтов? Денег им эта деятельность точно не принесёт.

ня. То же, что и во все времена. Многое ведь зависит от состояния культуры, от состояния культурного поля. Если культура выстроена как система, если она утверждена, если она кристаллизована, то молодому человеку трудно найти в ней своё место. Надо потеснить, освободить для себя какое-то пространство, чтобы встать в этот ряд и доказать, что ты можешь. Если культурное поле рассеяно, культурные связи разорваны, — задача такой же степени сложности. Она другая,

но степень сложности остаётся. Собрать себя, свой опыт и кристаллизоваться так, чтобы он стал точкой опоры в этом культурном поле. Это тоже очень трудно. Единственный момент, который может считаться благоприятным для литератора, но всегда осложняется какими-то социальными коллизиями, это момент, когда культура выстраивается. Когда она находится в состоянии строительства и человек — поэт, писатель — находит в этом строительстве своё место. Выполняет свою миссию. Но очень часто получается, что эти пути быстро расходятся, потому что социум и искусство существуют по разным законам. Моменты счастливой творческой судьбы очень редки, зависят от стечения многих обстоятельств, и никто не может этого молодому человеку обещать. Надо понимать, что литература — это служение. Надо понимать, что она забирает человека целиком. Я об этом говорила на семинаре. Нельзя заниматься литературой как хобби. Литература может быть только служением. Чем глубже человек вникает в этот диалог, тем больше собеседников и более важная и глубокая нравственная проблематика открывается ему. Лёгкой судьбы поэту никто не обещает. Но её никто не обещает никогда и никому. К этому надо быть готовым. К этой профессии, к служению. Второй момент — востребованность... потребность в смыслотворении, чем, собственно, и занимается литература в обществе, — колоссальная. Но эта потребность идёт снизу. Это такой неформализованный запрос. Скажем так, подлинный запрос. Одно дело — есть социальный заказ. А другое дело — есть запрос. Глубинный. Это есть. И они стремятся на это ответить. Востребованность даёт надежду, что отдача от этого труда, который будет вложен или должен быть вложен молодыми в это служение, — обязательно будет. У нас принято почему-то расценивать её в рамках каких-то предпочтений... ничего этого ожидать не следует. Они будут — и слава Богу, если их не будет — значит, время не пришло...

мс. Готовы ли они к этому? Не к служению, а к тому, что никто тебя не будет осыпать золотым дождём, хвалить не будет...

ня. По большому счёту, останется лишь тот, кто готов. Никто ведь не говорил, что этот путь усыпан розами. Литература — жестокое ремесло. Высокое и жестокое по отношению к человеку, который это делает. С другой стороны, существует такая развилка, очень странная и достаточно опасная. Сейчас очень развито фестивальное движение. И с одной стороны, это возможность общения и создания общего литературного поля, а с другой стороны — это поле почему-то не возникает. Я скажу — почему.

Другая сторона — это организация качественных семинаров. Сегодня очень много семинаров, среди них можно выбрать качественные. Есть куда пойти учиться. Есть где получить какую-то поддержку. Есть где сориентироваться, что ты такое, кто ты такой и куда тебе двигаться. В частности, вот на этом семинаре мы очень много говорили именно о направленности каждого автора. Что является для него характерным. Потому что сам автор не видит... он пока ещё не может это увидеть... это кристаллизуется потом. Много позже. Так вот проблема фестивалей в том, что они сегодня, по моему впечатлению, создают тусовку. А тусовка никогда не рождает общее культурное поле. Она наоборот — разбивает культурное поле на группки, где людям хорошо, где они друг друга хвалят и, раз меня признают свои, всё нормально. И ещё одна проблема разбитого на тусовки пространства — в том, что оно не может выработать литературную иерархию, которая нам очень нужна. Поэтому сегодня всё, что пишется, находится в единой плоскости. И непонятно, что хорошо, что плохо. А без различия, что хорошо, что плохо, невозможно ни развиваться, ни двигаться в какую-то сторону... что написано — всё хорошо. Что написано — всё литература. И в этом плане, конечно, гораздо благодатнее семинары. И вот опять я возвращаюсь к семинару на Мане. Это оказался опыт учёбы очень серьёзной. Дело даже не в том, что многие авторы по итогам обсуждений на этом семинаре получают какую-то публикацию. Мы очень старались предоставить им качественную информацию для развития... а дальше — судьба. Потому что писать без судьбы... включаются какие-то обстоятельства, в которых складывается и характер, и материал для творчества, и в конечном итоге — судьба... это всё очень сложные процессы, очень сложные... здесь далеко не всё зависит от нас. От пишущих и от тех, кто пытается поделиться своим опытом. Здесь очень многое зависит от других привходящих обстоятельств. И сегодня, я думаю, не труднее, чем всегда. Но каждый раз чудовища, с которыми автор вступает в борьбу, в каждую эпоху свои, для каждого времени они свои, хотя степень риска и степень необходимого напряжения душевных сил, мне представляется, — одинакова всегда.

мс. На самом деле литературное сообщество — хотя бы внешне — сейчас как-то структурировано. Существуют, например, Союзы писателей. Союз российских писателей и Союз писателей России. И ещё множество всяких. Я понимаю, что государство как-то поддерживает те осколки, которые остались со времён Союза писателей СССР. Но существует ещё и множество других...

у нас в Челябинске действуют ещё как минимум четыре организации. Причём они так называются иногда, что трудно разобраться человеку со стороны. Есть Союз российских писателей, а есть Российский союз писателей... есть Союз профессиональных литераторов... какую роль эти социальные образования играют, во-первых, в развитии и становлении современной литературы, а во-вторых, как раз — в судьбах начинающих авторов, которые ищут себя в этом поле. Многие говорят, что вообще не надо никаких союзов. Они только создают ненужную неразбериху.

ня. Вопрос существования союзов писателей муссируется с начала 90-х годов, с конца 80-х. Сразу скажу, что, на мой взгляд, профессиональный союз — союз профессионалов — необходим. Категорически. Потому что мы живём в большой стране, в которой есть очень удалённые от центра регионы. И союз писателей — это возможность держать в фокусе внимания всю территорию и в идеале на всю территорию распространять лучшие образцы. Роль такого аккумулятора. Во-первых. Во-вторых, должна быть чёткая граница между самостоятельностью литературной и профессионализмом. Проблема самостоятельности возникла из такого свойства нашей культуры, как литературоцентричность. Когда человек не может получать поэтическое... глубокое иррациональное понимание жизни из культурных источников, когда как раз оказываются разрушенными культурные связи — он начинает добывать его как умеет. То есть, грубо говоря, не найдя стихов, не имея культурного багажа, культурного опыта — добраться до этого источника, он пытается что-то слепить для себя сам. И поэтом получается, что огромное количество потенциальных читателей, пропагандистов литературы, то есть людей, которые вообще-то поддерживают литературное поле, мы получаем немислимое число графоманов. Это огромная проблема. На этой проблеме расцветают различные объединения. Ведь что такое, например, Российский союз писателей? Это фактически коммерческая организация. Вступайте к нам. И ведь они действительно назвали себя — Российский союз. Есть Союз российских писателей, есть — Российский союз писателей. Попробуй разберись. Мимикрия, как у бабочек. У нас в Челябинске в иные времена было до пяти разных союзов писателей. И очень часто их создавали люди, обиженные тем, что их не приняли в профессиональные союзы писателей. Союз писателей России и Союз российских писателей. Создавали свою собственную организацию. Благо, это можно сделать сейчас. И в рамках того же самого Российского союза

писателей можно номинироваться на премии, получить литературные ордена. И много ещё чего. За деньги. Это коммерческий проект, а не литературный, в силу своей коммерческой сущности. И, конечно, это ещё одно испытание для молодого автора. В какой-то момент в развитии нужно обязательно попасть в это сгущённое поле литературного общения, чтобы, по крайней мере, понять, кто ты есть, в чём твоя сила и что ты можешь реализовать. Профессиональные союзы необходимы ещё и для этого. Особенно — для молодых. А когда человек попадает в коммерческие структуры, у него система культурных ориентиров сбивается совершенно. Я уже не говорю о пресловутых «стихи.ру» и прочих ресурсах, о которых уже все говорили. Основная проблема в том, что сбиваются культурные ориентиры. Разница между хорошей и плохой литературой. Литературой и не-литературой. Она исчезает вообще. Пишешь букочки? Значит, это литература.

мс. Писатель — это тот, кто считает себя писателем.

ня. Это испытание для молодых. Ещё один фактор риска. Есть такое понятие в психологии творчества — в той научной области, которой я занимаюсь, — «актуальные риски». Сегодня это актуальный риск. Поэтому профессиональный союз писателей должен существовать. Профессиональное единство. По ассоциативному, по какому-то другому признаку... профессиональное единство. А самостоятельность. То, что исторически является благом, но сегодня стало деструктивным фактором, — это армия пропагандистов литературы, армия читателей, огромного количества людей, которые нуждаются в поэтическом — как очень важной составляющей человеческой жизни. Им надо выстраивать каналы, по которым они могут это получать, а не производить кустарным способом для себя и не издавать толстенными томами в твёрдой обложке.

мс. Я так поняла, что здесь нужно какое-то особое сопровождение пишущих людей... техника безопасности автора — твоё изобретение?

ня. Я занимаюсь этими вопросами. Они мне очень интересны.

мс. Я раньше не слышала о таком. Что это такое? Что за техника безопасности? Что она означает для творческого человека? Это, наверное, долгий разговор... к нему надо как-нибудь специально вернуться.

ня. Человек — сложнейший, тончайший инструмент познания и творческого преобразования мира. К сожалению, нас не учат владеть самими собой, не дают знаний о нас самих. Мы получаем массу информации о внешнем мире,

которая действительно нужна, и практически не владеем информацией о нашем внутреннем мире. Сегодня — особенно. Человек, который занимается творчеством, сталкивается с этим гораздо более болезненно, зачастую неожиданно, потому что человек, существующий почти или исключительно в обыденности, с этим почти не сталкивается, разве что в моменты каких-то кризисов — жизненных, возрастных... творческий человек с этим сталкивается практически постоянно. Я занимаюсь много с молодыми авторами — веду литературные курсы, литературную мастерскую. Есть школьная литературная студия, есть — для людей очень преклонного возраста — на курсы приходят люди до 75 лет. Авторы. Это редко, но тем не менее. Приходят учиться вместе с молодёжью, и я считаю, что это благо. Рассказывая им о каких-то литературных тонкостях, я отчётливо понимаю, что они или столкнутся, или уже столкнулись с психологическими проблемами, с какими-то аспектами психологии творчества, о которых, если ты знаешь, ты можешь их использовать как ресурс, а если не знаешь, они могут тебя просто разрушить. Например, та же пульсация творческого сознания. В состоянии вдохновения мы выходим за границы собственного сознания, оно становится больше самого себя, но ведь потом оно возвращается. Постоянный переход от себя космического к себе бытовому переживается крайне болезненно. Особенно в первое время. Когда начинаешь осознавать это впервые. Во многих психологических школах эти вопросы так или иначе разрабатываются, но никто не применяет это к той среде, к тем группам, где они наиболее необходимы. Поэтому я постаралась часть проблем рассмотреть на собственном опыте, какие-то решения найдены в других источниках... Творчество — всегда избыток энергии, и поначалу нам кажется, что это — благо. А потом выясняется, что оно благо только тогда, когда мы умеем с этим справляться. Если мы с этим не умеем справиться, оно нас разрушает. Ну и... актуальные риски. Есть то, что в принципе надо знать, что характерно для того или иного времени. «Принципы безопасности творческого развития» — книга была издана в 2008 году. Я очень долго готовила аудиторию к тому, что эта книжка выйдет. Время от времени вытаскивала оттуда какие-то главы и публиковала их. Но всё равно эта книга вызвала много вопросов. Как это так? Поэзия — опасное ремесло. Что тут опасного? Можно пёрышком уколоться? Бритвочкой порезаться нечаянно? Или листочком бумаги? На самом деле наш внутренний космос — это абсолютно неисследованное пространство. И мы не можем говорить о частностях. Я говорю только о каких-то

самых общих закономерностях. Но на основе этих закономерностей уже можно изучать себя самого. К числу рисков можно отнести, например, негативную мифологию. О которой я уже давно говорю. Давно исследую мифы, которые нас убивают. Предвззудки, которые сложились в литературе. Например, поэт — избранный, он должен быть свободен от быта, морали. Это обязательно бунтарь. Он всегда против, как баба Яга. Это всё мифы, причём очень опасные. И бунтарь-одиночка, и гуляка праздный, и божий избранный — это всё смертельные ловушки. Плюс ещё по мелочи... поэт должен быть голодным... священные мухоморы... и ещё предвззудок, который очень страшен... — за всё заплачено жизнью: чем раньше ушёл поэт, тем большую загадку он в себе заключает. Эта поэтизация раннего ухода — по сути дела, культ ранней смерти. Страшные вещи. Вот об этом всё я стараюсь как можно чаще говорить с молодыми авторами.

мс. Тогда получается, что человек, который берёт на себя право работать с молодыми, — это специалист высочайшей квалификации. То есть он должен, во-первых, владеть ремеслом. Во-вторых, он должен понимать психологию творчества, должен быть достаточно высокообразованным психологом. И он должен быть настоящим педагогом. Чтобы не навредить.

ня. Да, безусловно.

мс. То есть эта квалификация настолько тонка и высока... меня зачастую обескураживает, что работать с литературной молодёжью берётся кто попало. Это сплошь и рядом. Мы начали с того, что заговорили о великой пользе литературной учёбы, литературных семинаров. Но если посмотреть, кто на местах занимается этими вопросами, становится страшно, потому что... не побоюсь высоких слов и не сочти это за лесть... но сейчас, кроме тебя, почти на всём постсоветском пространстве я никого из специалистов такой квалификации не могу назвать. Может быть, действительно, нужна ещё какая-то система подготовки подобного рода кадров. И для начала необходимо понять, что такие специалисты очень нужны. Нужно как-то их готовить. Специалистов, которые могли бы работать с творческой молодёжью. По-моему, здесь такой дефицит!

ня. Проблема молодого автора — найти своего мастера. Человека, который увидит в тебе тебя. Поможет и подскажет. Когда я подходила к этой теме, технике безопасности... для меня вообще вся эта педагогическая система состоит из трёх частей. Философия, то есть особенный образ мышления. Технология. И безопасность.

Как в любом нормальном производстве. Так и здесь—в производстве смыслов. Проблему подготовки педагогов в этом направлении я пытаюсь решить хотя бы в рамках своих литературных курсов. В литературной мастерской «Взлётная полоса». Вот сегодня в Челябинске есть группа авторов, играющих тренеров, молодых поэтов и прозаиков, которые работают по этой методике. Они, может быть, не владеют ею в полной мере, потому что они ещё очень молоды, но они понимают, что это система. Всё взаимосвязано. Мало хорошо писать, надо ещё и объяснить. Мало сказать—выбирайте точные слова, например. Или... если не пишется—самый популярный совет у нас на семинарах, я это очень часто слышу, и меня это возмущает—если тебе не пишется, тебе нужна какая-то трагедия. Развестись, потерять работу, несчастно влюбиться... когда я такое слышу—я вздрагиваю. Потому что есть другие способы восхождения к поэтической энергии, и, идя к ней через трагедию, человек просто разрушает свою жизнь. Иногда—сознательно! У некоторых это вообще становится сюжетом жизненным. И они потом говорят, что это жертва во имя литературы. На самом деле—напрасная жертва. Мне очень повезло самой с литературными педагогами. Буквально с самого начала. Я училась у Нины Георгиевны Кондратовской в Магнитогорске, в литературном объединении, понимавшей, что есть Магнитогорская школа, а есть я, неизвестно откуда взявшаяся. Зёрнышко, которое другим каким-то ветром занесло. Она никогда не ломала меня. Никогда не преподавала мне некие формы. Она всегда указывала на принципы, которые существуют объективно, но я могу к ним подходить так или иначе. Александр Алексеевич Михайлов в Литературном институте и Галина Ивановна Седых. Когда я начала концентрировать этот опыт, я его начала по литинститутскому принципу собирать, и мне очень хочется, чтобы эти знания, этот опыт подхватили молодые. Сегодня у нас из той группы молодых авторов, которые выпущены «Взлётной полосой», литературными курсами, практически все преподают. Практически у всех есть свои студии. У кого-то детские, у кого-то юношеские... Как можем, мы решаем эту проблему. Но сегодня всё больше молодёжи просто уходят в тусовку. Тусоваться гораздо проще, чем учиться.

мс. Тем не менее такие ячейки хорошего литературного образования есть. А кстати, как ты относишься к тому, что сейчас делается в Литературном институте?

ня. Я об этом, к сожалению, мало знаю. Не могу говорить... Но есть другой поворот этого опыта. Литературный лицей. Ведь это же уникальная система общекультурной подготовки. Базового гуманитарного образования. Мои педагогические технологии направлены более всего на формирование именно литератора. Но ведь общекультурная подготовка с учётом очень важных творческих моментов даёт человеку колоссальную свободу в жизни. И колоссальные возможности. Такой человек в любую сферу с этим багажом придёт и в любой сфере этим богат. Мне кажется, уникальный опыт Лицея должен быть распространён и должен разворачиваться. Потому что это другая сторона... есть литературная учёба, а есть литература как мощнейший инструмент развития личности. И это потом работает во всех сферах жизни.

мс. Кстати, вот тоже интересное наблюдение моё. Практически 90% моих выпускников, выпускников литературного лицея, помимо того, что они, конечно, хотят заниматься литературой, проявляли интерес к педагогической работе. Очень многие из них стали учителями, преподавателями высшей школы... видимо, это очень связанные способности—литературные и педагогические. Это—стремление поделиться опытом, знаниями...

ня. Сама литература—это стремление поделиться. Рассказать о чём-то. А педагогика владеет ещё и дополнительным арсеналом. Реализация сущности литературы ещё и в этом. Мне кажется, это совершенно уникально и очень перспективно.

мс. Очень бы хотелось, чтобы нашей державой это было востребовано. Будем надеяться, что рано или поздно так и будет.

ня. Думаю, что это будет. Важно, что этот опыт есть, что он сформулирован, сконцентрирован. И в принципе те, кто желает этим заниматься, кто желает воспользоваться этим уникальным опытом, могут за ним обращаться и развивать его дальше.